

18+

Острая кромка

Out is through

София Март

София Март

Острая кромка. Out is through

«Издательские решения»

Март С.

Острая кромка. Out is through / С. Март — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851977-2

Москва даст тебе всё и пустоту. И ты сам должен будешь решать, чем ее заполнять. Каждый из нас живет в своем городе, как умеет, впервые сталкиваясь с взрослением, одиночеством и всегда неожиданными сложностями. У каждого есть опции to be or not to be и список причин, по которым мы выбираем из двух первую и остаемся здесь, чтобы быть. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-851977-2

© Март С.
© Издательские решения

Содержание

Острая кромка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Острая кромка Out is through

София Март

Иллюстратор Ичиен

© София Март, 2017

© Ичиен, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-1977-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Острая кромка

Он вызывал ребят по двое в комнату, и что там происходило, никто из нас, ждавших в коридоре своей очереди, не знал и даже не догадывался. Мы только видели, что в комнате выключен свет, и слышали оттуда сначала тишину, а потом испуганные крики.

Настал мой черед. В комнате нас было трое: я, Вова из параллельной группы и он. Мы сидели за столом, на столе горела свеча. У незнакомца был тихий усыпляющий голос и борода – тонкая струйка сухих волос, доходящих до середины шеи. Он сказал: «Проведи рукой по пламени, как я». И провел ладонью прямо сквозь язычок огня. Медленно и бесстрашно.

Он говорил очень тихо, и от этой тишины, помноженной на темноту вокруг, было так жутко, что хотелось кричать. Вова ерзал на стуле и мотал головой. Высокий худой дядька в черном пиджаке взял мою руку и сказал открыть ладонь. Добавил, что нас не выпустят, пока мы не сделаем то, чего он хочет. Другие ребята выходили из комнаты с черными отметинами на ладонях – теперь я знала, почему.

Я глубоко вдохнула, занесла ладошку повыше над свечой и стала медленно приближать руку. С каждой секундой – жарче и страшнее. Тогда он сказал, что кончик пламени самый горячий, к тому же я его боюсь, а чем ближе подходишь к тому, чего боишься, тем становится больше и невозможнее терпеть.

«Проведи рукой через пламя, как я», – сказал он. И я это сделала. Быстро.

...Я будто гладила свечу по голове. По рыжему вихру – хоп-хоп. Против шерсти. Оказалось, это легко.

The only way out is through – так называется моя любимая песня. Мне было пять лет, когда я поняла, что пройти можно только «через», и что иначе меня не выпустят.

***

Я загадала на поезд: не успею – не перееду. Спокойно приехала домой с работы, поужинала, сходила в душ, поговорила с папой. Бросила в легкую сумку зубную щетку с пастой, белье, футболку, в которой буду спать в поезде. Села в мамин «Пежо». Мы лавировали между машин, ревели мотором. Встряв в пробку перед площадью Восстания, мама повернулась ко мне и сказала: «Знаешь, что, моя дорогая». Да-да, вот оно, привычное мамино черное и тягучее, как вакса, оно с чавканьем разлилось у меня внутри. Я ответила: «Прости, спасибо. Дальше я сама», – поцеловала ее в щеку, схватила сумку и выскочила из машины.

Через вокзал бежала на каблучках между встречающими, провожающими, тележками, сумками, ларьками. Запах гари, автомобилей, шавермы, грязи. В сдавленную грудь будто совсем не поступал воздух – задыхаясь, я не могла понять, почему так стараюсь. Но бежала все равно. Это так на меня похоже.

Влетев на перрон и едва переведя дух, я увидела свой поезд. Два красных огонька по бокам последнего вагона. Люди отвернулись от него, как от прокаженного. «Стоишь тут, значит», – подумала я и снова пустилась со всех ног.

Запрыгнув на подножку последнего вагона, я сделала вдох – кажется, такой же болезненный, как первый в жизни. Во рту пересохло, я стала кашлять, прошла внутрь. Поезд тронулся. Передо мной женщина, такая же запыхавшаяся, показала проводнице билет и сказала, что ей в тринадцатый вагон. Через мгновение тонкие цикламенные губы потребовали предъявить мой билет. Я выдавила из себя: «То же... самое». Проводница ответила: «Нет, девушка. Не то же самое».

Я согласилась. У меня не то же самое. Показала ей билет в свой тринадцатый вагон. Проводница захлопнула за моей спиной тяжелую железную дверь, скрипнули засовы. Я дошла до своего места. Села и подумала, что успела. Успела, значит, вот и решение. Позвонила Ване.

Вагон был зачем-то тринадцатый. Не седьмой, не девятый... Подошел контролер. Говоря по телефону, я протянула ему паспорт с билетами в оба конца. Он надорвал один из них и округлил глаза. Пояснил, что надорвал обратный билет по ошибке.

Так на руках у меня оказался только один действительный билет. Туда.

У меня было время, чтобы привыкнуть к мысли о переезде. Я защитила диплом на факультете журналистики петербургского университета, уволилась с работы, провела отличное беззаботное лето и поступила в московский Литературный институт. Это было самое нелогичное, самое дурацкое решение в моей жизни. Я не могла достойно обосновать его даже себе, поэтому никому ничего не объясняла. Загадала на поезд и переехала с одной легкой сумкой в руках.

Квартиру в Москве для меня нашел Ваня. Уставшая «однушка» со скрипучими полами, темными дверьми и засаленными обоями. Рассохшаяся мебель советского образца, пыльные старые окна, потолки с желтыми потеками, черный грибок на стенах ванной.

В квартире, казалось, до нашего прихода шли бои. Обои наполовину ободраны, поперек кухни стоял уголок, на пыльном столе перевернутая табуретка, в раковине таз с заплесневелой посудой. В единственной комнате на диване лежали вывернутые на изнанку треники с пузырями на коленках. Я подняла их брезгливо двумя пальцами и скинула с дивана на пол, подняв облачко пыли. Ощувив тошноту, с трудом открыла балконную дверь, деревянную с серым от грязи стеклом, старалась не прикасаться к посеревшим занавескам.

– погоди, – улыбнулся Ваня. – Ингуш, согласен, бабушкин вариант, но других квартир за эти деньги здесь не было. И времени тоже.

– Не называй меня «ингуш», пожалуйста, – попросила я.

– А мне нравится, – Ваня поцеловал меня в висок. – Хозяева хотели сделать ремонт перед тем, как сдать квартиру. Собственно, они и начали, а тут я ворвался. Ну что, давай распаковываться?

– Сначала мне нужны тряпки.

Занятия в Литературном институте начинались через две недели, которые мне предстояло потратить на уборку. От моего нового дома можно было дойти пешком до станции метро «Юго-Западная». Зеленые аллеи, холмистые улицы, общежития РУДН. Элитная окраина, как говорил об этих местах Ваня, и всего в паре остановок от дома, где он жил вместе с семьей его старшего брата.

В квартире было все необходимое: стиральная машинка, холодильник, щербатая посуда и даже деформированные сковородки и кастрюли – впрочем, пригодные. Я вымыла их и убрала в шкаф подальше, решив купить свою посуду.

Возле метро было круглосуточное кафе. В первые дни я ходила туда ужинать: появлялась ближе к ночи, когда приезжал Ваня. Мы садились за столик у окна, он говорил, где в округе можно купить утюг, где кастрюли. Потом отвозил меня обратно в квартиру и уезжал. А я набрасывала кофту на плечи и выходила курить на балкон.

Вид с треугольного балкона моего девятого этажа открывался отличный: на детскую площадку и кроны берез вокруг. Даже днем здесь было довольно тихо, а по утрам пели птицы. Ночью я смотрела на мерцающие огни самолетов, которые летели из Внуково и перемигивались надо мной вместо звезд.

Было начало октября. Московское чужое солнце за день нагревало квартиру так, что спать можно было без одеяла. За первые две недели я все отмыла, выкинула хлам, который меня раздражал. Среди прочего вынесла на лестничную площадку огромный подвядший цве-

ток в пластмассовом ведре. Спустя неделю узнала, что в простонародье его называют «женским счастьем».

Когда началась учеба, днем я искала работу, а вечером ездила на занятия в Лит, после которых меня встречал Ваня.

Моя Москва началась на Большой Бронной в Литературном институте – в особняке, где родился Герцен, работал Горький, жил Платонов и Мандельштам. Первыми моими знакомыми стали однокурсники.

Скоро я узнала, что в этом городе при знакомстве с кем-то новым после «Как тебя зовут?» и «Чем ты занимаешься?» всегда уместно спросить: «Откуда ты приехал?». В таком изобилии менталитетов и фенотипов есть плюс: найти здесь друзей оказалось гораздо легче, чем в городах, где семьи поколениями остаются на одном месте, проживая относительно линейную историю без необходимости создавать круг друзей «с нуля».

***

Когда я впервые увидела Диму, он стоял в Литовском сквере: чуть сутулый, невысокий, руки в брюки. Кудрявый блондин в черной кожаной куртке, светлые бирюзовые глаза, красивая улыбка. Он курил, разговаривая с хрупкой девушкой, они смеялись.

– Эй, ты меня слышишь? – сжал мою руку Ваня.

– Извини, засмотрелась, – сказала я, торопливо высвободив свои пальцы, чтобы порыться в сумке.

– На кого?

– Мне кажется, это мои будущие однокурсники, – ответила я, выудив сигареты, и направилась к ним.

– Привет. Извините, у вас не будет зажигалки? – Сутулый молодой человек молча дал мне прикурить. – Спасибо. Вы случайно не на первом курсе?

– На первом. Ты тоже с высших литературных? – ответила мне девушка.

– Да. Я Инга.

Девушку звали Люба, на вид ей было чуть больше тридцати. Приехала в Москву несколько лет назад вместе с мужем и дочкой, в Лите решила учиться для себя, писательство было любимым хобби. Дима был примерно моего возраста. По образованию геолог, по призванию – любитель экстремального спорта и литературы, родом из Симеиза. Мечтал сменить профессию.

Я смотрела в его ясные глаза и думала, до чего же он красив. И что такие глаза бывают только у тех, кто привык быть с морем на «ты», поскольку вырос под его бирюзовым боком.

Ваня тоже вырос в Крыму и был красив настолько, что наши общие друзья называли его «куколка». Он на это страшно злился и потому всячески подчеркивал свою маскулинность: ходил вразвалку, глубоко затягивался, умел смачно сплюнуть и развесисто выругаться. Мы ездили на полуостров навещать его родителей каждое лето, любили ночевать в палатках на Тарханкуте или где-нибудь в горах, лазали по сталактитовым пещерам. Я любила его. Ваня стоял за моим плечом молча – только Диме руку пожал, когда мы познакомились.

Пора было идти на первую пару. Ваня демонстративно поцеловал меня в губы при всех и сказал на ухо: «Тихонечко себя веди». Я молча улыбнулась в ответ и ушла.

Осень пролетала мимо, быстро. Однажды я шла от метро домой и вдруг остановилась перед красным кленом, который стоял нарядный в окружении совершенно голых кустов. Я смотрела на него и не могла вспомнить, как он выглядел, пока был желтым, рыжим, пока вокруг него желтели и опадали листья с кустов. Ведь когда я приехала, листья на них еще были. Зеленые.

Выпал первый снег. Во дворе моего дома стало очень уютно: узкая улочка, деревья по обе стороны дороги, заснеженные козырьки над входами в подъезды, дети играли в снежки на площадке.

Я почти не видела города. В ноябре, едва освоившись, вышла на работу: стала редактором корпоративного журнала в ювелирном доме. Из офиса ехала в институт, там торчала до позднего вечера, домой приезжала без сил. География моих передвижений была до неприличия мала: каждый день я описывала круг дом-работа-институт-дом. На выходных мы с Ваней то сбегали на дачу, то ездили в ближайшее кафе к друзьям, приглашали их ко мне в гости (все наши друзья, москвичи, жили тогда с родителями). Иногда мы ходили в ближайший к дому кинотеатр или ехали в Тропаревский парк гулять. Мы жили, то есть, проводили все свободное время, на «Юго-Западной».

Я не могла взять в толк, что правда – переехала. Над входом в соседний дом висел медный портфель с торчащим из него дубовым веником. На нем надпись: «Здесь жил Женя Лукашин», – герой фильма «Ирония судьбы». «Надину» квартиру снимали в соседнем доме. И на самом деле «Третью улицу строителей» и в Петербурге, и в Москве играл квартал новостроек по проспекту Вернадского. Ваня рассказал мне об этом, когда мы впервые пошли пешком по окрестностям. Я узнала Тропаревскую церковь – мимо нее Женя в фильме идет невеселый, твердя слова из «Баллады в прокуренном вагоне». Мы с Ваней любили этот фильм. Нам казалось, он подтверждает: Петербург и Москва навечно поженены, как мы.

Я много готовила для гостей, мыла горы посуды, наводила порядок без конца. Видела Москву из окна Ваниного автомобиля или же изучала ее в метро, где путалась в переходах. В первые месяцы метро было сущим кошмаром: я могла проехать нужную станцию, зачитавшись книгой и сидя в наушниках, после чего долго не могла понять, где я и как отсюда выбираться. Все время опаздывала, со смехом рассказывала о своих приключениях и чувствовала себя довольно бестолковой.

***

Была холодная декабрьская ночь, я в очередной раз ехала в Петербург на выходные. Поезд «Москва – Петербург», стук колес и особый запах поездной гари мне были уже привычны, как третий, эфемерный, дом. В «не сезон» я часто оказывалась в купе одна, без попутчиков – как сейчас. Любила выпить стакан чая с лимоном, выкурить сигарету в тамбуре, слушая плеер и глядя на мелькающие огни за окном, а затем лечь спать и проснуться за десять минут до прибытия.

Я застелила и собралась выйти покурить перед сном, когда ко мне зашла проводница. В соседнем «женском» купе случился скандал: к ним затесался мужчина. Проводница попросила меня приютить невезучего, чтобы он не таскался с сумками по вагонам. Я согласилась.

Через минуту в дверях появился Дима. В красном пуховике и горчичного цвета штанах.

– Доброй ночи, – сказал, протискиваясь с сумкой между сидений и не глядя на меня.

– Здравствуйте, – хохотнула я.

– Ух ты, – он вдруг смутился. – Привет.

– Привет.

Сели. Обсудили погоду, пробки, вокзал. Попросили чаю.

– Ты какими судьбами? – спросил Дима.

– Я часто езжу в Питер. Примерно раз в две-три недели. Родители, друзья, вот это все.

А ты?

– В воскресенье бегу марафон.

– Что, серьезно? Бегом? В минус тринадцать?

– Да.

– А сколько?

– Сорок два километра.

– Со-рок-два-кило-метра?!

– Ну да.

– Слушай... А зачем?.. – Спросила я с искренним интересом. – Ну, по крайней мере, зачем столько? Можно же пять пробежать.

– Ну... Я даже затрудняюсь ответить.

– Хорошо, – возбудилась я. – Зачем идейные бегут, я понимаю. Зачем солдаты – знаю. Зачем мальчишки с пушком над верхней губой – предположим, догадываюсь. Но когда уже большой и всем все давно доказавший, не знаю. Кажется, никогда не пойму мужской любви к изнурительным штукам вроде этой.

– Ты зря, – возразил Дима, – Это интересный опыт. Бежишь всю дорогу, дышишь носом, если не хватает воздуха, язык приподнимаешь и дышишь ртом. Тогда не простынешь. Думаешь обо всем этом, бежишь. Устал – упал.

– Лицом в сугроб.

– Да!

– Красота.

– Да нет, – Он потер лоб ладонью. – На самом деле всю дорогу бежишь и думаешь, что – как дурак, честное слово. И вдруг замечаешь, что бежишь и улыбаешься. Понимаешь, эндорфин. Ближе к финишу – адреналин. Да и вообще, это отличный способ узнать, на что ты способен.

– Да?..

– Пойдем в вагон-ресторан?

– А что там?

– Коньяк.

– А не закрыто?

– Не думаю. Раньше мы с приятелями если ездили в Питер на поезде, то всю дорогу там сидели. Я же мэр вагона-ресторана!

– Очень приятно. Жозефина.

Было примерно два часа ночи, когда мы вошли в вагон-ресторан.

– А почему без оркестра мэра встречают? Прости, все-таки, что это значит? – поинтересовалась я.

– Ну вот, а еще пользователь соцсетей. Это же спорт такой раньше был – кто больше всех раз зачекинился в каком-то кафе, становился мэром этого места. Приложение такое есть: Foursquare.

– О. Этим я еще не болела.

– Попробуй.

– А зачем?..

– Хм, хм, – усмехнулся Дима. – Неудобные ты задаешь вопросы. Разве ты все в жизни делаешь с определенной целью?

– Хм, хм, – с той же интонацией ответила ему я и не нашлась, что еще сказать.

Принесли виски.

– Кажется, когда-то я это уже пила.

– В чистом виде?

– Кажется, да.

– И впрямь немудрено забыть.

– Попроси, пожалуйста, колу.

– Да, с ней можно что угодно пить. Только водку не стоит.

– Слова не мальчика, но мужа.

За соседним столиком начались братания и пьяный спор про футболистов.

– Извини. Я не знал.

– Хуже всего, что это опять наши, – ответила я, бросив короткий взгляд на наших соседей.

– Кто, «наши»?

– Украинцы.

– Ты украинка?

– Да.

– Почему «опять»?

– Сидели на днях с Любой в кафе – французском. Бумажные скатерти, тесные столики, все соседи как родные. Рядом сидит парень – чернявый, с залысинами. Рисует на скатерти карандашом. Отлично, притом, рисует – успела заметить я, снимая пальто. Оценила лысеющий блестящий затылок и решила: армянин.

– Женская логика.

– О мужской вообще никто не слышал. Я работаю в ювелирном доме, и все лучшие художники у нас – армяне. Серьезно. Ну, не смейся. И вот сидит он, значит, рядом, а Люба говорит – он с Западной Украины. Я утверждаю, что не может быть. Армянин же, решено ведь. А у него в это время звонит телефон, и он начинает туда тараторить. И когда он начал по матушке все пояснять, я поняла, что таки да. Наш. Я родилась во Львове, у меня там много родных, и я знаю, о чем говорю. А рисует он хорошо и выглядит так выразительно, потому что в семье не без еврея.

– Хе-хе.

– Решили убедиться. Спрашиваю: откуда? Точно. Из Ивано-Франковска. Дальше – я впервые видела человека, который говорит больше и быстрее, чем я. Когда он сел на любимого конька про москалей-украинцев-гуцулов-евреев, я поняла, что спорить со мной не все рискуют не потому, что я права, а потому, что отдача, очевидно, замучает.

– И правда, что.

– И забыли, ладно? Но... он так много говорил. Что я подумала...

В этот момент за соседним столом знатоки футбола громко расцеловались. Я посмотрела на них и сказала.

– Знаешь, раньше я записывала пьяные диалоги. Мужское соленое слово. Все такое.

– Потом перестала?

– Ага.

– Поняла, что список тем ограничен?

– Точно.

– Список тем для мужских разговоров, как и список сюжетов в литературе... Сколько их там?

– Кажется, не больше двадцати.

– Примерно по этой причине я перестал напиваться с друзьями до икоты...

– Уважаю.

– Теперь мы курим траву. Хм. А этот, который много говорил. Что ты подумала?

– Да, извини, – опомнилась я. – Мне стало интересно, почему у него вдруг открылись шлюзы. Ведь сидел же раньше, никого не трогал, не тянуло его поговорить. А тут – целая лекция, будто... Не знаю. Думаю, это про то же, что у этих футболистов рядом. Иллюзия вожденной общности. Мне каждый раз кажется, что она не про взрослых людей, а про подростков – определять себя через группу, к которой принадлежишь, и пытаться размазать всех представителей других групп.

Кола кончилась. Виски тоже. За соседним столом обозвали Малафеева, наметился повод для драки.

Дима спросил:

- Продолжать будем?
- Думаю, нет. Боюсь окончания банкета.
- Ты про соседний столик или про наш?
- Приси счет, – улыбнулась я.

В прокуренном тамбуре он, затягиваясь, сказал.

– В группах легче самоутверждаться. Круг сужен, тебе не нужно побеждать целый мир, достаточно показать, что ты крутой, вполне определенному числу лиц. И все. Ты мужчина.

– Хорошо, когда ты сам выбираешь эти лица и признаешь их мнение авторитетным, – кивнула я. – Но ведь чаще это выливается в социальные сети и закрывание гештальтов десятилетия давности.

– Что ты имеешь в виду?

– Недавно в очередной раз стучится ко мне бывшая одноклассница, с которой мы друг друга, мягко говоря, не очень уважаем. А тут: «Привет, дорогая, как твои дела, как успехи». По опыту, наверняка она внезапно чего-то добилась – хотя бы, может, вышла замуж – и теперь ей надо похвастаться. Иначе зачем меня поминать-то всуе, на ночь глядя, вот скажи?

– Ну, я иногда откапываю ненужных людей, когда они вдруг становятся нужными. Смотрю страницу, узнаю все новости, задаю вопросы по теме, имитирую интерес.

– Фу, – поморщилась я.

– Не мы такие, жизнь такая.

– И что, неужели это работает?

– Люди любят, когда ими интересуются.

Вернулись в купе, свет включать не стали. Дверь открыли пошире. Попросили у проводника чаю.

– А ты часто ездешь в Питер?

– Как-то так... получается, – пожала плечами я.

– Меня домой уже не тянет. Да и не к кому, по большому счету.

– Наверное, ты уехал давно, друзья все в Москве. А у меня все в Питере остались. По школе я тоже не скучаю. За редким исключением.

Проводник принес чай. Поставил на стол. Захлопнул дверь. Голоса в темноте.

– Заметь, стремителен и деликатен.

– На лицо годы тренировки...

Дима включил ночник над своей полкой.

– Да, школоты. Я в хоре пел.

– Ха, не может быть.

– Серьезно. Нам сказали, что хористы через год поедут в Китай. Я очень хотел. Старался. Через год они вызвали мою маму и сказали, что мальчик сильно старается, но фальшивит еще сильнее, и из-за него вообще весь хор никуда не поедет.

– Ты расстроился?

– Из-за Китая да. Но «минус хор» сделал меня счастливым.

– И тогда ты понял, что иногда средства поганят цель?

– Да ничего я тогда не понял. Я был маленький и не мыслил еще такими категориями.

– ...Знаешь, что мне нравится в Москве? – спросил он после паузы.

– Пока нет.

– Здесь у каждого своя история прибытия. Расскажи свою, – он улыбнулся.

– О. Боюсь, что виски уже выветрились, и моя слезливая история...

– М, – сказал он, обжегшись чаем. – Так это будет слезливая история?

– Это была слезливая история, – ответила я.

– Давай, рассказывай. Сейчас три ночи – самое время для таких историй.

– Учти, ты сам напросился.

– Еще чаю?

– А давай.

Мы вышли в коридор и долили кипяток прямо в стаканы с разомлевыми пакетиками чая и дольками лимона, а затем сосредоточенно и молча шли обратно, шатаясь и боясь обжечься.

– Я весь внимание, – Дима устроился поудобнее.

– Хорошо... – я насыпала сахар в чай и помолчала.

***

В аудитории было жарко. Я сидела на широком подоконнике и смотрела во двор. Здание было построено квадратом, и собственно факультет журналистики занимал только два крыла, в третьем и четвертом жили обычные люди. Я смотрела в их окна. Кухни, шторы, абажуры. Во дворе курили абитуриенты.

Все окна были распахнуты, но это не помогало. Влажная гнетущая духота петербургского лета не давала вздохнуть. Я посмотрела вверх – туда, где между корпусов был виден сероголубой квадрат неба. День был беременный, вот-вот грянет ливень, а я как всегда была без зонта.

Просторная и светлая аудитория с широкими столами на шесть человек каждый, в две колонны с проходом. Я подумала, что эта аудитория, факультет на Васильевском острове – все это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слишком хорошо, чтобы стать моим университетом. И все же слишком хорошо, чтобы я сдалась, не разбив руки – или голову – ради мечты учиться здесь.

Через месяц мне предстояло определиться с факультетом: журналистика или история. Учитывая, что украинский для меня второй родной, старославянский был проще простого, а история Восточной Европы приравнивалась к истории моей семьи. На исторический поступить без связей было легче, чем на журфак: конкурс был не такой большой. Но журфак был интересней.

В аудиторию вошла высокая женщина. Аккуратное каре, стильные очки, плиссированная летящая юбка в пол, легкая блуза и тяжелый согуар чуть ниже груди. Быстрым уверенным шагом она прошла по проходу между рядами и, наконец, встала перед нами.

– Друзья мои, пожалуйста, расслабьтесь, и давайте поскорее начнем. Меня зовут Арина Анатольевна, я буду читать вам курс русской литературы: обычно я преподаю его здесь и на филологическом факультете. Если, – она улыбнулась, – Когда вы станете студентами журфака, я буду также читать вам курс стилистики и вести семинарские занятия по публицистике – для тех, кто выберет кафедру теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации. Но об этом позже, а сейчас у меня к вам деловое предложение. Времени у нас с вами мало: курсы длятся две недели. Я могу маленько подробнее остановиться не на пушкиных, лермонтовых, маяковских и иже с ними, – Она произнесла имена нарочно низким голосом, так что все улыбнулись, – А на авторах, произведениях или периодах, которые вам не так хорошо знакомы. Как вы считаете?

Все согласились. Решили начать с современной литературы: она для нас была совершенно незнакомой, в то время как кто-то в группе сказал, что на журфаке серьезный творческий конкурс, и фору получают кандидаты, которые берутся писать на злобу дня.

Арина Анатольевна широкими мазками, свободно вела диалог с аудиторией о самых маститых авторах современности. Ее манера была не похожа ни на одного учителя или преподавателя, ни на одного человека, которого мне доводилось слушать раньше. Она сидела на краю первой парты – то есть, стола, – лицом к нам и периодически протягивала ладошку к кому-то,

риторически вопрошая: «У себя в голове вы же так не рассуждаете, правда ведь. Вот и в тексте...»

Лекция только началась, я понятия не имела о том, кто такая Людмила Петрушевская, и почему редакторы про нее говорили, что ее рукописи – это золотые яйца. Я просто поняла, что мне все равно, где и на кого учиться, лишь бы учиться у Арины. Она будто не пересказывала, а писала на наших глазах рассказ, который мы все на той лекции вместе с ней проживали.

Я вышла из аудитории и позвонила Ване в полном восторге. Чтобы сообщить, что я определилась: хочу учиться на журфаке, на кафедре с очень сложным названием, где Арина читает курс стилистики и публицистики, которую я, вообще-то, раньше терпеть не могла.

– А потом пойду в аспирантуру! – выпалила я.

– С ума сошла? – усмехнулся Ваня.

– Почему это?

– — Потом ты переедешь в Москву.

– Я ненавижу Москву.

– Да куда ты денешься, – уверенно ответил Ваня.

Через полтора года мы с ним расстались. Я ревела в подушку месяц. Однажды меня даже пришел утешать папа. Сидел рядом и вздыхал, гладил по спине, потом что-то говорил обрывками фраз. Я обнаглела в конец и курила в туалете по ночам. Родители делали вид, что не замечают.

В голове у меня на самом деле была только одна мысль – Ваня. Я встречалась с подругами, ходила в театры, гуляла по Петербургу, много читала – но все книги были написаны о нем, все актеры были похожи на него, все улицы Петербурга были давно исхожены с ним за руку, все подруги смотрели на меня участливо и иногда спрашивали, не объявился ли он.

Потом впала в анабиоз года на два. Не в буквальном смысле. Спала, ела, училась, работала корреспондентом на радио, потом в PR-службе страховой компании, писала речи руководству и заказные статьи в журналы. У меня случались романы, ни один из которых не оставил в памяти ничего – ни слова. Вела дневник, все из себя выписывала, выжимала до последней строчки самого скучного диалога. Меня окружали одни только герои, и каждое событие служило сюжетом, хотя никогда не оформлялось в рассказы, стоящие прочтения.

На втором курсе университета я написала первую повесть. Сюжет пришел из ниоткуда, питерским ветром в голову надуло, главный герой был похож на Ваниного лучшего друга, который мне нравился. Я подумала, что когда у меня была возможность, я выбрала не того парня. Рома был в меня влюблен, а Ваня... Эх.

Мне нравился сам процесс создания текста. Можно было придумывать все что угодно: взять героиню и сделать ей персональную бурю, и все прожить, все прочувствовать, прокричать, проплакать, просмеяться. Мне нравилось жонглировать словами, придумывая, как описать холодный рыжий свет фонаря в питерском парке, который несвежим апельсиновым соком лился на асфальт. Как-нибудь так.

Закончив, распечатала и дала прочесть папе: он был редактором окружной военной газеты, а мне нужна была рецензия. Рассказ лежал на его столе с моей подписью на первой странице.

К папе зашел его друг, писатель Аркадий Федорович, посвящавший свои произведения в основном бравым советским летчикам и воякам.

– Кто такая Инга, – спросил он.

– Моя дочь. Рассказ написала.

– Дашь почитать?

Через неделю Аркадий Федорович пригласил меня к себе в кабинет. Мы разговаривали с ним долго – о писательстве и о том, что помогает писать.

– Это большая честь, быть писателем, – сказал Аркадий Федорович. – Тебя будут читать другие люди. И ты, и они благодаря книгам сможете прожить не одну, а несколько жизней. Но времени мало. Лучше всего пишется, пока молодой, пока все отзывается в сердце рефреном, пока не заостенел окончательно и тело не подводит. Хватило бы сил все сказать, – улыбнулся он, показав стертые зубы. Его руки, жилистые и большие, покоились на столе, когда он говорил, пальцы были сомкнуты в замок. Я достала телефон, чтобы ответить на звонок – сказала, что перезвоню.

– Надо же, какой у тебя аппарат, – указал он на мой мобильный. – Мошшный!

Перед встречей я прочла несколько его рассказов, написанных совсем недавно, и меня ошеломило, что лексика и тон повествования были такими, как если бы автору было лет тридцать пять, не больше. Передо мной же сидел седой старик, лицо которого было исчерчено глубокими морщинами. Впадинами, а не морщинами, поперек лба.

– Ваша княжна Мэри, – осторожно предположила я, – это ведь реальная женщина, которую вы знали когда-то. И любили, мне кажется.

– Почему ты так решила?

– Градус повествования меняется каждый раз, когда речь заходит о ней. Меняется стиль, слова, в тексте проявляется какой-то нерв, будто вы волнуетесь, описывая каждую вашу встречу. И еще вы лукавите. Кажется, что умалчиваете о чем-то слишком личном, чтобы описывать это с позиции всевидящего автора. Даже кажется, что вы маскируете избыток чувств от «своих глаз». Может, я не права. Извините. В целом, рассказ написан очень жестко, но каждый раз, когда в центре внимания появляется та самая Маша, автор из нарратора превращается вдруг в человека – очень уязвимого.

– Видишь, как, – усмехнулся он и на секунду отвел взгляд, прежде чем продолжить. – Писатели – самые беспощадные читатели. Они копают. – Он сделал паузу, глядя мне в глаза, и вздохнул. – Я хорошо ее знал, и этот рассказ раздражает мою жену. Хотя дело было тридцать лет назад. Но, собственно, потому я тебя и пригласил. Ты писатель. Не хорони это в себе. Тебе нужна благоприятная среда.

– Разве ее выбирают?

– Еще как! – он хлопнул по столу ладонью. – Собственно, что я и должен тебе сказать. Тебе надо в Москву. Учиться в Литературном институте.

Мы говорили долго. О творчестве, работе, отношениях с реальными людьми и героями, которым они послужили прототипом. Он сказал, что важно писать для кого-то, чтобы был человек, способный прочесть тебя от корки до корки, понять и прочувствовать, и чтобы ты знал, что именно ему будет интересно все, о чем ты пишешь. Тогда каждая строка обретает смысл и легкость, с которой ты способен повествовать, обращаясь к другу.

Я шла по Мучному переулку. Февраль выдался теплый, под ногами шуршал подтаявший лед. Мне захотелось позвонить Ване. Я всегда звонила ему, чтобы рассказать что-то важное. Это электрическое желание не исчезло даже после разрыва, и мне было жаль, что теперь оно неуместно. Зато я могла адресовать ему любое повествование – и даже тридцать лет спустя рассказывать ему все, что важно, даже зная, что он этого никогда не прочтет.

– Итак, ты решила поступать в Лит – и поступила? – Дима широко улыбался. – Таки во всем виноват Лит?

– Таки не так все просто. Тебе не надоело слушать?

– Нет. Мне нравится. Пойдем покурим и там продолжим.

Трясаясь в прокуренном тамбуре, я ежилась от холода и напрягала голос, чтобы перекрыть лязг вагонов. И даже холод казался там металлическим.

– Прости, давай в купе продолжим?

– Саспенс нарастал, – иронично заметил Дима и согласился. Мы курили молча, загадочно улыбались, встретившись глазами. Я думала, стоит ли рассказывать все это Диме. А потом решила, что черт с ним. Пока несет, останавливать себя бессмысленно. Расскажу. Одно из двух: либо мы станем друзьями, либо не станем. Мы вернулись в купе, и я продолжила.

***

Ваня позвонил в воскресенье утром, когда я была дома одна, и так запросто: «алло». Я села на пол с трубкой.

Мы распрощались за два года до этого звонка.

Накануне ночью я не могла уснуть и написала ему письмо: «Из моего прошлого мне дорог только ты». Не отправила, но подумала, что вечность бы отдала за возможность просто его обнять.

– Ты меня узнала?

– Нет.

– ...Правда?

– Нет.

– Я надеялся застать тебя дома.

– ...

– Как у тебя дела?

– Хорошо.

– Послушай... Я в Петербурге...

Два года, пока ничего не знала о нем и старалась забыть, я ждала его звонка. Вечером подходила к дому и еще из-за угла смотрела, не стоит ли он у подъезда. Два года, в каждом по 365 дней, меня ждали разочарования.

– Мы... Можем встретиться? Подожди, не отвечай... Это не займет много времени, мне нужно всего несколько минут. Я должен тебе передать кое-что.

Я сидела на полу с трубкой в руках и смотрела в окно. Петербургское грязно-белое небо, как мокрое вафельное полотенце над головой.

– Ты еще здесь?

– Я киваю, – ответила я деловито и поднялась с пола. – Хорошо. Всего на пару минут. В пять буду в универе, встреть меня там.

Я ехала в университет, перечеркивая Петербург по диагонали, сосредоточенно отслеживала станции метро. В наушниках играла та же группа, что и месяц назад, но каждый звук теперь казался новым. Я будто была без кожи и живая, как никогда. Все клавиши пианино – прохладные, гладкие белые, узкие черные. Струны гитар пружинили и резали пальцы в кровь. Кружась в потоках сквозняков, я почти задохлась. Хотела дольше задержаться в лимбе между прошлым и будущим, как во сне, где ничего не нужно решать.

До встречи с Ваней оставался час. Мне нужно было обсудить главы моего диплома с научным руководителем. Диплом был посвящен публицистике в творчестве Леонида Бородина, и за время работы над дипломом этот писатель стал мне роднее дедушки. Я так много знала о нем, что теперь тревожилась о судьбе своей работы, как о чем-то личном. Арина Анатольевна опаздывала. Я дала ей прочесть еще и мои первые рассказы, теперь стояла под дверью аудитории, подперев стенку, и думала – а что если она не придет. Она очень деликатна, как она скажет мне в лицо, что-то вроде: «Инга, а может, танцы? Попробуй танцы, а? У тебя получится».

Наконец, послышались ее быстрые шаги по коридору. Когда мы сели за стол, она говорила не спеша, вдумчиво поясняя все, что мне нужно доработать в дипломе. Шутила, улыбалась, спрашивала, как дела. Я не могла унять дрожь и отвечала немного нервно.

Закончив разговор о дипломе, она сказала:

– Я прочла рассказы. Все, чтобы наверняка... Я категорически против твоих планов на аспирантуру.

Внутри у меня что-то затрещало и рухнуло. Квик-степ или чечетка. Джига на худой конец. Она продолжила.

– Не будет тебе аспирантуры. Ты талантлива, и ты практик. Если хочешь дальше учиться – поступи в Литературный институт в Москве, посмотри, маленько послушай. Поживи. И пиши свои тексты, а не анализируй чужие. Ты, кстати, знаешь, что Бородин там преподает? В Литературном? Нет? Вот! Хорошо бы тебе с ним познакомиться. Отправишь ему свой диплом – вот что он скажет? Ну, чего притихла? – Улыбнулась она. – Ты главное – дерзай. Пободрее маленько. Ну?

Хотелось ее обнять, но я не решилась. Выдержала политес и спустилась вниз по лестнице совершенно отупевшая. Оделась. Открыла дверь, шагнула в улицу.

Я встретила его снова в ноябре. В Петербурге грянули морозы, провода звенели от холода на ветру. Ваня стоял перед дверью университета и ждал меня.

***

В поездном купе стало жарко, мы снова приоткрыли дверь. Дима подбил подушку за своей спиной и устроился поудобнее, кивнув мне – продолжай.

– Не понимаю, зачем ты спросил меня об этом. Я не умею рассказывать эту историю коротко.

– Если тебя перебьет мой храп, значит, пора заканчивать. Но я пока держусь.

– Очень грубо.

– Прости. Мне нравится, что ты откровенничаешь. Не часто удается залезть девушке в душу, так что рассказывай. Мне интересно.

Вздоргнув, я резко повернулась к окну: мимо нас промчался другой поезд с ужасным грохотом.

– Хочешь, я пообещаю, что все, что прозвучит в этом купе, здесь же и останется, – спросил Дима.

– Хочу.

***

Я поздоровалась с Ваней слишком вежливо, чтобы счесть меня дружелюбной. Мы молча дошли до кафе. Там все было, как всегда. Та же официантка, тот же теплый свет и запах еды, те же столики, натертые до блеска, рыжий кот дремал на подоконнике, греясь у батареи. На руке у Вани были знакомые мне часы: раньше если он брал мое лицо в ладони, чтобы поцеловать, я не слышала ничего, кроме их тиканья.

Ваня показал мне видео: все наши фотографии, где мы были счастливы и смеялись, под музыку наших любимых песен. Эти песни много значили: как поплавки, дернув за которые, можно было натянуть все внутренние лески. Когда мы только начали встречаться, он подарил мне все альбомы Океана Ельзи – нашей любимой группы. Мы слушали их, гуляя по городу, разделив наушники. Слушали их каждый в своем городе – я в Питере, он в Москве – пока были в разлуке. И на всех наших общих фотографиях мы были смешные и совсем юные.

– Больше ничего не нужно говорить. В твоей улыбке есть все ответы, – сказал Ваня, глядя мне в глаза. Его слова прозвучали до неприятного пошло. Зато широкие зрачки были похожи на глубокие ямы, в которые я готова была свалиться. Опять.

– Извини, сейчас вернусь. – Зайдя в туалетную комнату, я глубоко вздохнула и посмотрела в зеркало. У левого уголка моего рта появилась морщина – хорошо заметная скобка, за которую была вынесена широкая улыбка. Криво влево – два года я могла улыбаться только так. «Это происходит в самом деле», – произнесла я отражению, чувствуя, как колотится сердце

внутри и подступает легкая тошнота, как перед прыжком с обрыва в море, в холодную зовущую гладь.

Как тогда на Тарханкуте. Мы приехали туда целым оазиком – сигать со скалы в море. Вода была прозрачная: зеленоватая, как стекло. Под ней видны обломки скалы – непонятно, как близко они к поверхности. Ваня сказал, что прыгать в воду с этого уступа безопасно – но вот она вода, и вот они камни под ней, и они совершенно не собираются скрываться и каждым острым краем говорят: «Хочешь разmozжить об нас башку? Переломать ноги? Давай!» Но Ваня сказал – безопасно. The only way out is through. Я зажала нос и прыгнула. Пока летела, услышала, как его друзья за моей спиной сказали: «Смелая». Никто из них в тот день в воду так и не прыгнул, хотя сигать с того уступа оказалось действительно безопасно.

Ни с кем моя жизнь не была такой пугающе интересной, как с ним. Я поправила макияж и вернулась к Ване.

Дальше была зима. Мы гуляли по Петербургу круглыми сутками, целовались под бледным солнцем на Дворцовой площади, искали новые дворы-колодцы на старых маршрутах. Ваня рассказывал мне все новости за истекшие два года. Он шутил, я смеялась. Слушала его голос, замирая.

Каждый раз мы заходили во дворик Малой Академии искусств возле Летнего сада и там гуляли во дворе по часу, пока не замерзали. Наблюдали, как появлялись новые мозаики и скульптуры.

Я смотрела на Ваню – казалось, от этого таяли снежинки на его пальто. Он держал меня за руку и шел уверенно, даже если не знал дороги. Я семенила следом. Разглядывала его квадратные ладони. Его кожа смуглая, моя белая, мы шутили: «Дети разных народов». Я не могла подолгу смотреть в его глаза, краснела. Прижималась к его лицу холодной щекой. Когда он уезжал, я оставляла на кровати только свою подушку – предварительно надев на нее Ванину наволочку поверх своей. Редко звонила ему сама: папа всегда говорил, что приличные девушки сами не звонят. Когда Ваня звонил, мама приносила мне телефон даже в ванную, если звонок раздавался, пока я была в душе. Он часто звонил среди ночи, чтобы сказать, что любит. После таких разговоров я подолгу не могла уснуть и слушала, как сильно стучит сердце в груди.

Я ходила по Питеру, повторяя его имя про себя, снова и снова прокручивая в голове диалоги. Приходила с подругами в те же места, где была с ним, вспоминая в мельчайших подробностях все, что мы пережили здесь вместе.

Затем была весна: она нас не щадила. Мокрый ветер с Невы пробирал до костей, и негде было от него скрыться. Ваня приезжал раз в две недели, мы гуляли по Петербургу, целовались под холодным солнцем и махали руками туристам в автобусах. Однажды случайно забрели в кинотеатр «Паризиана». Мы взяли билеты на уже начавшийся сеанс и зашли в зал, чтобы согреться. Холодные сиденья деревянных откидных кресел, обитых дерматином. Зал был пуст – только на последнем ряду хихикала парочка таких же, как мы, бедолаг, которым некуда было идти. Я редко смотрела на экран – чаще на Ваню или по сторонам. В темном зале ничего нельзя было разглядеть, кроме того, что помещение отчаянно нуждалось в ремонте уже очень давно. Эта необходимость была не столько видна, сколько ощутима. Было холодно и сыро, пахло плесенью. Ваня держал меня за руку, сжимая ее холодными пальцами. Потом он закурил. Прямо там, в кинотеатре. И это было так неправильно, что я сначала смотрела на него круглыми глазами, силясь подобрать слова, а потом просто в голос расхохоталась. В самом деле, в проходе между жестких продавленных кресел гулял сквозняк, он был здесь и хозяином, и самым частым гостем. И некому было даже сказать, что тут можно, а чего нельзя.

Ваня протянул мне серебряную фляжку с коньяком: я опьянела еще до того, как сделала первый глоток. Мы были принцесса и хулиган – по крайней мере, мне нравилось так думать.

Инициация происходит в несколько этапов и имеет множество символов. Первым был кофе – когда я вдруг поняла, что это не просто черная горькая жижа. Затем сквернословие. Я помню момент, когда впервые произнесла гневную тираду из глубины души и ощутила острое удовольствие: мне наконец-то было плевать, что хорошие девочки не должны злиться, тем более не должны злиться прилюдно, и уж тем более не имеют права материться от души. Потом были сигареты. Курить по-настоящему я стала после знакомства с Ваней: он всегда так жадно затягивался и выглядел так мужественно с сигаретой, что мне нравилось наблюдать за ним. У сигарет был его вкус, я не могла от них отказаться.

Затем был секс. Мы вместе учились любить в первый раз и хотели знать все, что предполагает это слово.

В том кинотеатре весной был новый этап инициации. Помимо того, чтобы ругаться, мне теперь можно было нарушать правила – и это лучшее, чему меня научил Ваня.

В июне город утонул в белых ночах, как в остуженном молоке. Мы встречались с общими друзьями, знакомыми еще со школьных времен и с того – первого – нашего периода. Ездили на дачу и бегали, погрязая в песке у Финского залива. Мы делали вид, что не было между нами двух лет разлуки – совсем.

Но правда в том, что они все-таки были. Однажды я сказала маме, что хорошо помню, почему мы расстались впервые, и что повторения не хочу. Мама ответила, что если я решила вернуться, то придется простить все плохое и начать с чистого листа.

– А почему вы расстались тогда? – перебил меня Дима.

– Неудобные ты задаешь вопросы, – хмыкнула я и обняла колени.

Я не могла говорить этого вслух – почти физически была не в состоянии. Произнести: «Он не звонил неделями и не брал трубку, страшно пил, потом объявлялся как ни в чем, а я терпела. Он общался с друзьями и почти не говорил со мной, когда я приезжала, не приезжал ко мне сам по три-четыре месяца подряд. Однажды мне пришлось сказать, что нам пора расстаться. После этого я переходила дорогу только глядя прямо перед собой – думая, что, может, меня кто-нибудь сейчас убьет, и все это закончится». Так что нет, я совершенно не могла говорить вслух о том, почему мы расстались в первый раз.

– Не хочешь, не говори, – сказал Дима. – Извини. Что было дальше?

– Летом я окончила свой первый университет. Он приехал на мой выпускной, и, пока мы катались по городу в лимузинах с однокурсницами, он катался или ходил по центру, по телефону с водителем отслеживая наш маршрут. Мы пересекались на светофорах и в парках, махали друг другу руками, целовались на бегу и расставались снова, чтобы встретиться на следующей остановке. Мои подруги плакали от умиления. Наш общий друг, глядя потом на фотографии, спросил: «Как можно спустя столько лет по-прежнему так смотреть друг на друга?».

Перед тем как Ваня вернулся в Москву, я передала ему свои документы и распечатки рассказов. Он отнес их в Лит.

Летом мы уехали в Крым. Взяли машину напрокат и отправились путешествовать по его любимым местам. В Балаклаве встретили двоих рыбаков – они сидели на берегу, пока мы кормили хлебом рыб у причала.

– Эй, молодежь, – крикнул один из них. – Молодежь! – Помахал рукой, когда мы посмотрели на него. – Поехали с нами кататься по бухте?

Ваня взял меня за руку, и я послушно спустилась за ним в лодку. Никогда раньше не видела таких лиц, как у тех рыбаков. Голубые, выгоревшие на солнце глаза, белесые волосы и брови, огрубевшая от морского ветра кожа. Оба смуглые почти до черноты, от них пахло морем и рыбой, они с трудом объяснялись, пользуясь всего парой десятков слов. Они расска-

звали про рыбу, подводные лодки, отливы, сети, штормы. В конце сказали, что не катают туристов – просто мы очень красивая пара и ведем себя вовсе не так, как обычно ведет себя молодежь. В этот момент Ваня обнял меня за плечи и поцеловал в висок. Мне показалось, что все это я уже видела когда-то в кино – в каком-то наивном советском фильме, названия которого не могу вспомнить.

В конце августа меня зачислили на курс, и осенью я переехала в Москву.

– Хорошая история, – сказал Дима. – Ване зубы надо выбить, но история хорошая. И вовсе не слезливая.

– Слезливая, – утвердила я, пропустив «Ванины зубы» мимо ушей.

– Почему?

– Потому что больше я Лит не люблю.

– И Москву?

Я боялась, что он спросит: «И Ваню?»

– ... Не знаю. А ты ее любишь?

– Я? Уважаю.

– Что это значит?

– Москва город сильных, – ответил Дима. – Она не нуждается в любви.

– Почему?

– Потому что любовь – это про слабость.

В начале шестого мы, наконец, уgomонились. Последнее, что помню перед тем, как проснулась – что опустила шторку на окне и сказала: «Никогда не думала, что человек может вместить столько чая за одну ночь».

Мы с Димой никогда больше не обсуждали то, что я рассказала той ночью. По прибытии пожелали друг другу удачи, поблагодарили за откровенность и распрощались. Но разговор тот застрял во мне, как будто он был значим. Как будто нет вопроса интимнее на свете, чем: «Как ты оказался в Москве», как нет вопроса неудобнее и больнее, чем: «Почему вы расстались» – не важно, о родном городе речь или о человеке.

***

В тот день я пошла в кафетерий на работе одна: хотелось пообедать в тишине.

– Привет! – ко мне подошла Юля, менеджер. – Можно я к тебе приземлюсь? Тут сегодня аншлаг.

– Конечно, – улыбнулась я, про себя выругавшись.

Юля была неправдоподобно красива и частенько принимала звонки, говоря по-французски. Она курировала продажу элитных украшений от американского дизайнера, а я писала для него рекламные тексты и делала с ним интервью для журнала. Честно говоря, Юля меня раздражала. Было интересно, когда же она, наконец, расслабится и придет на работу без идеального макияжа или в простых джинсах и свитере. С ней этого не бывало. Ни разу.

За обедом я узнала, что в Юлиных жилах течет армянская, еврейская, цыганская, украинская и еще какая-то гремучая кровь.

– Ого! – восхитилась я.

– Ага, – невесело кивнула Юля. – С такой кровью я плодородна, как пшеничное поле. Это наследственное, мама сделала четырнадцать абортгов.

Мне стало не по себе от такой откровенности. Дальше она говорила о своих абортах, но цифру я не запомнила: сидела напротив нее обалдевшая.

– Мама вышла замуж за друга семьи, который был на пятнадцать лет ее старше, так что никто не удивился, когда я поступила точно так же.

Чувствовал ли себя Дима таким же шокированным моей откровенностью, пока сидел в поездном купе?

– А сколько тебе было? – Наконец, включилась я.

– Девятнадцать. С такой кровью – скороспелка, сама понимаешь. Но я его любила. Родители отреагировали обреченно: странно было бы на их месте запрещать мне ковыряться в носу, согласись.

– Это да.

– Ему было сорок восемь. Через год он увез меня из Еревана в Брюссель.

– Ух ты! – не знала, что еще можно было сказать.

– Инга, я на работу ездила тогда ежедневно по полтора часа: из Брюсселя в Париж. Сейчас я добираюсь полтора часа от дома на Тульской на Марьину рощу в офис. Нормально?!

– Да не то чтобы, – нервно хохотнула я. – А в Москву-то тебя как занесло?

– Просто прошло тринадцать лет.

– И что?

– Мужу был шестьдесят один, а мне тридцать один. Он начал пить, а я стала фотомоделью. Уже не помню, в каком порядке, но суть в том, что однажды до меня дошло, почему говорят: «Если ты понял, что скачешь на мертвой лошади, слазь».

– Допустим, – кивнула я. – А в Москву-то зачем?

– О, это вообще моя любимая история, – показала мне ладошку Юлька. – Я собирала вещи, параллельно объясняя мужу, почему больше не хочу наблюдать, как он спивается, и уехала в Париж. Влетела в квартиру лучшей подруги и говорю: «Привет, дорогая, включай комп!» Она: зачем? А я – «Беру билеты и улетаю в Москву!» Сюзанна, уже ко всему привыкшая, ответила только: «Что, даже чаю не попьешь?»

– Вот же дура, – со смехом выпалила я. – Прости. Юль, серьезно! Ты ни разу не пожалела?

– Слушай, по любимому магазинчику на Пари Элизе я скучаю. По подруге скучаю. Но вообще в Европе тоска. С моей-то кровью! Ух!! А тут пока на работу доедешь, у тебя уже столько событий в личной жизни, что скучать не успеваешь, покой нам только снится.

Московская зарплата и легендарный адский трафик скоро заставили ее забыть о поездках на машине, и Юлька в своих роскошных парижских одеждах, со шлейфом изысканных духов и с безупречным макияжем ежедневно спускалась в метро.

В наш ювелирный дом Юлю устроили армянские друзья: хозяин заведения был тоже армянин. Тот приписал Юльку к американскому ювелиру армянского происхождения, и Юлька снова вертелась в мире высокой моды, дорогой одежды, фотосессий и богатых людей.

Пятьдесят на пятьдесят: откровенность либо немедленно сближает, либо разводит по разным углам. Если быстро, то не страшно. Когда я приезжала в гости к Юльке в тесную «однушку» на Тульской, мы заказывали еду на дом и пили армянский коньяк. Он в ее доме был всегда – как успокоительное, сувенир, согревающее средство, иммуностимулятор. Мы сидели на полу в единственной комнате, так как в пятиметровой кухне было проблематично разместиться за столом вдвоем и с едой. Юлька зажигала свечи, включала музыку, читала вслух стихи своего сочинения, пересказывала стихи ее бывших. Я просила показать фотки с рекламных щитов французских брендов, где Юлька сверкала кошачьими глазами в камеру и казалась нереальной, слишком красивой, чтобы быть настоящей.

Однажды я провела ее, когда она сидела на больничном. Прощаясь, она сказала.

– Слушай, заberi фрукты домой, а? Я их не ем, а моя «неделька» наволокла целый воз.

– Неделька?

– Да, я их так называю. Есть трусы-неделька, а есть мужики-неделька. А что?

– Класс, – хохотнула я, смутившись.

– Слушай, я встречаюсь с мужчинами и не считаю, что это плохо. Отношений ни с кем из них у меня не получается, они все ведут себя непонятно, пропадают. Но и ладно. На что

годятся, на то и пригодятся. Ну что, заберешь? Главное, увези апельсины – им уже недолго осталось, неделю лежат красиво в вазе.

От фруктов я отказалась: тащить их по метро в авоське с «Тульской» на «Юго-Западную». Ох, нет.

– Ты веришь в верность? – спросила Юля, помолчав.

– Предупреждать надо, – улыбнулась я. Юля из прихожей вернулась на кухню, села за стол и налила еще коньяку. В обе рюмки. Я сняла пальто и тоже села.

– Первые годы замужества я не могла пройти мимо мужа так, чтобы он меня не опрокинул. И так год, еще год, еще год, еще. И та-дам, ему надо все меньше, а мне все больше – сама понимаешь, разница в возрасте. Вас двоих, – кивнула она на меня и воображаемого Ваню где-то сбоку, – я вообще не понимаю. Ты вот прямо думаешь, что он в свои семнадцать сидел дома и не баловался, когда у вас был этот ваш long distance? Если даже мой старый пердун пялил под занавес свою секретаршу, и я не знаю в жизни мужиков, которые вели бы себя по-другому.

– Я благодарна Ване как минимум за то, что он ни разу не дал мне повода в чем-то его подозревать, – отчеканила я.

– И тебе не скучно думать о том, что он будет первым и последним?

– А ты, по ходу, замуж больше ни ногой, – еще пыталась шутить я.

– Да плавали, знаем. Кругом бананы, виноград, а я сижу со своим доморощенным яблоком, и больше мне ничего нельзя, иначе я, понимаешь ли, блядь.

– Да, это мое любимое... Но, – нахмурилась я и вздохнула. – Про бананы.

– Давай, – с готовностью кивнула Юлька, наливая по новой.

– Ты же выбираешь не среди женщин, коней, шестилетних мальчиков. Ты выбираешь среди мужчин. Так? – я посмотрела на Юльку, она кивнула. – Значит, никаких тебе бананов, речь только о яблоках. – В этот момент Юлька начала хихикать, я же старалась сохранять серьезное лицо. – погоди. Они бывают разные, но я, например, люблю зеленые. С крепкими, сочными попами по всему периметру. И чтобы кислые, чтобы хрустели и крошились, когда кусаешь. Мне не нравятся желтые, они слишком мягкие, мне не нравятся красные – они слишком сладкие. И так далее.

– И к чему ты клонишь?

– К тому, что верность, это когда тебе не то чтобы нельзя – всегда все можно, если потихонечку. Просто не хочется другого, потому что у тебя уже есть то, что надо.

Юля смотрела на меня распахнутыми глазами.

– Охренеть можно. Это тебя в Лите научили?

– Ну а где еще.

Мы чокнулись и выпили еще.

– Я тебя люблю, – сказала Юлька, и мы пошли курить на балконе.

Около полуночи я вызвала такси. Погрузив свое мягкое теплое тело на заднее сиденье, уперлась тяжелой головой в окно и смотрела, как пролетают мимо огни. Как же красиво я умею отстаивать нас с Ваней перед кем угодно. Так у меня это складно получается, будто я сама не верю в то, что говорю. Потому что искренне – невозможно говорить красиво. Я не умею.

Приехав домой, я написала Ване, что все окей, я в порядке и спокойной ночи. Он позвонил. Юля ему не нравилась категорически, как и то, что мы с ней пьем до ночи.

– Послушай, – в конце концов нахмурилась я. – Ты помнишь, чтобы я выставляла оценки твоим друзьям? Не нравится – не общайся с ней, но пока что Юлька единственная моя приятельница в Москве, она мне нравится, и оставь ее, пожалуйста. Лучше пригласи меня, наконец, на свидание.

Он посмеялся в трубку.

– Я серьезно, – промычала пьяным голосом.

– Любимая, как только так сразу, – воскликнул Ваня, и мне захотелось его убить. – Ты же знаешь, я сейчас ужасно занят, но это временно.

– Да, да. Спокойной ночи, – сказала я и повесила трубку.

***

На Новый год я уехала в Питер: хотела встречать его с родными дома. Ваня отнесся с пониманием. Где-то в глубине души я хотела, чтобы он протестовал, но старалась не думать об этом.

На обратном пути я проснулась среди ночи на верхней полке в купе. Перевернулась на живот, обняла подушку и посмотрела в окно, за которым время от времени появлялись какие-то легко додумываемые пейзажи, вырванные из ночи светом фонарей. На соседней полке лежал молодой человек с красивым обнаженным торсом. И почему только мужская нагота кажется людям нормальной?

Мой попутчик делал вид, что спит. По крайней мере, его лицо в обрамлении мягких локонов, по которым то и дело ползала голубоватая полоска станционных огней, было безмятежным, а глаза закрыты.

Странное дело, я будто знала это лицо уже очень давно – причем не только кончиками пальцев, но и губами этот лоб уже трогала.

Я думала о нас с Ваней.

Как покосившиеся домики с желтыми окнами, как разлапистые ели в снежных шапках, освещенные тусклой желтизной поездных окон, из темноты памяти вырывались эпизоды. Со всеми ожиданиями, слезами и смехом. Бесконечные рельсы блестели ртутными столбиками в снегу, а снег был разноцветным – то голубым, то серым, и чуть впереди по нему бежал рыжий отсвет окошка в тамбуре.

Парень в ночном поезде. В крадущемся отблеске пролетающих фонарей к часу ночи он так напоминал Ваню, что начало казаться, будто он сейчас повернет голову и скажет до боли знакомым голосом: «Ну ладно. Все равно оба не спим – пойдем курить?»

Мы бы курили в тамбуре: серые стены, низкий потолок, узкая клетушка с окном, тусклый свет, дым, холодный лязг металла.

– Ты красивая.

– Я знаю, – выдыхая скучно.

– И все?

– Да. В красоте нет ничего личного.

– С чего ты взяла?

– Ты любишь красивые картинки. Причем здесь я?

Наяву он молча лежал с закрытыми глазами, а память все не унималась. Я в самом деле кожей ощущала приятную щекотку прикосновений – когда я гладила эти брови, целовала в висок, касалась шеи кончиками пальцев, замирая от нежности. Как это далеко. Теперь все это стоит, как зачитанные до дыр книги на моих полках, и только ждет, что когда-нибудь я достану их снова. Бегло пролистаю, открывая только страницы с загнутыми углами, прочитаю в каждой из них всего по паре абзацев, когда-то помеченных нажимом ногтя, закрою и снова поставлю на полку. Десять тысяч слов, десять тысяч мест, которые напоминали о нем, десять тысяч месяцев, взаимных упреков, слез, звонков, обещаний, демонов в моей голове. Десять тысяч причин умирать от нетерпения, десять тысяч взрывов в моей голове, десять тысяч минут всепоглощающего счастья. Неужели все это можно перечеркнуть?

Никто не делал меня такой счастливой и такой несчастной. Сейчас я смотрю на него, и мне так скучно, что хочется трясти его за плечи, крича: «Проснись, мы все еще живы!»

Я чувствовала сожаление – пожалуй, больше ничего. Мне было жаль. Черт, как жаль было признавать, что мы не смогли сберечь свою судорожную любовь, которая больше не повторится. Потому что дважды пережить этот идеальный шторм просто жизни не хватит.

Я не могла оставить его, об этом и речи быть не могло. Он был такой родной. Он был – я, мысли о нем бежали по моим венам, карминовые и горячие, они пульсировали ежесекундно. Я могла сосредотачиваться и делать все, что угодно, но все равно продолжала дышать и думать о нем. До тошноты. Мне казалось, во мне нет ничего больше, кроме этой чертовой истории, которая длится всю мою сознательную жизнь, которую больно продолжать и совершенно невозможно закончить. И мне было страшно остаться во всем этом снова одной – как тогда, после первой разлуки.

Затем я вспомнила, как мы шли в утреннем тумане по узкой тропинке, светил фонарь, и было еще совсем темно. Я приехала в Москву в пять утра, он встретил меня с поезда, вручил охапку роз и привез на дачу, где была целая толпа его друзей.

Все было красиво. И цветы, которые тянулись вверх каждым лепестком с трепетом, и звонки среди ночи, и это немыслимое, до обморока каждый раз: «люблю». Мне не бывало одиноко: я могла быть одна, но не одинока, потому что где-то всегда был Ваня, и мне казалось, что он всегда со мной. Сейчас, в Москве, все было по-прежнему красиво – но пусто. Мы были как институт. Идея фикс, религия, – не знаю, что. Я часто слышала: «Благодаря вам я верю в настоящую любовь». Сама не знала больше, что она из себя представляла, кроме как – короткое замыкание в груди, которое не дает ступить шаг в сторону, вперед или назад. Вани со мной больше не было, по крайней мере, я его больше не чувствовала рядом.

А поезд мчался все дальше от дома, все дальше из прошлого, все глубже в будущее, дорогу к которому я прокладывала годами. И в полтретьего ночи мне по-прежнему казалось, что все еще у нас впереди.

***

Когда из института вечером меня не встречал Ваня, мы часто ездили домой с Димой, он жил на соседней станции метро – на проспекте Вернадского.

Слушать Диму было интересно: так чудно было все устроено в его этой кудрявой голове, что по журналистской привычке я бесконечно расспрашивала о том, как он путешествовал по Крыму, почему увлекался кайтингом, зачем прыгал с парашютом, куда ходил в походы, а где еще он был, ходил ли на ледники, и как оказался в Москве.

– Родители развелись, когда мне было пятнадцать. Мама вышла замуж за моего отчима и спросила, хочу ли я остаться с отцом в Крыму или переехать в Москву. Я выбрал второе.

– Почему?

– Мне казалось, в Москве больше возможностей. А в Крым я всегда могу вернуться: что бы ни произошло, я останусь крымчанином. Понимаешь?

Я думала про Питер. Мне казалось, я понимаю.

Он улыбался чуть застенчиво и облизывал губы перед тем как что-то ответить. Часто касался подбородка, когда говорил. Я всегда чувствовала себя неловко с ним, хотя в этом не было особой симпатии или еще чего. В метро он не был похож на того Диму, с которым мы разговаривали ночь напролет в поездном купе, где он был простым и открытым, уверенным. А сейчас эти руки, вечно в брюки, сутулые плечи – выдавали внутренний дискомфорт, и я не понимала, что является причиной.

Однажды он сказал, что устроился в хостел на «Арбатской» ночным портье, чтобы иметь больше времени на творчество. В хостелах останавливаются странные личности, которые вполне сгодились бы на роль главных героев его повестей. Я была в восторге от этой идеи ровно до того дня, когда прочла его первые короткие рассказы. Они были неплохо написаны,

но вечно не доведены до конца, в них не хватало смысла или атмосферы, которая бы компенсировала его отсутствие. Дима будто писал о том, чего не видел, что его не трогало.

– Отличное начало, – отрецензировала я. – Им не хватает завершенности, но, думаю, это скоро придет. Точку поставить сложнее всего: мне, например, вообще страшно до ужаса – поставить точку и сказать – всё. Лучше я про это сказать не могу. Кто-то, может быть, потом, может быть, но вот сейчас я – нет. Годами рожаю один рассказ и с трудом могу себе представить людей, которые пишут по-другому.

Мы стояли в Литовском сквере и курили, когда я говорила все это, отчаянно сочувствуя Диме. По себе знала, насколько интимны такие разговоры и как они царапают под кожей. Дима молча кивал и затягивался, сутулясь еще сильнее и выдыхая каждый раз в сторону. Иногда оборачивался, будто ждал кого-то, кто так и не пришел.

– Знаешь, некоторые фразы западают в душу, так что тебя хочется цитировать.

– Да?

– Да, – подтвердила я и криво пересказала кусок его текста.

«До двух часов ночи еще мыслишь дневными категориями. Престижность. Заработная плата. Задаешься вопросом: что я здесь делаю, разве это настоящая работа? Посетители еще ходят, смотрят телевизор, сидят в фойе с ноутбуками. Но все это проходит, когда наступает очарование ночи. Весь хостел погружается в тишину, пустынный Арбат за окном выглядит сказочно, и только я один бесшумно брожу по истертому ковролину коридоров.

Рассвет, тусклые улицы, проявляющееся пасмурное небо. Тишина, ломаная линия крыши вместо горизонта, крик вороны. Так хорошо, что хочется закурить. Подчеркнуть этот момент, как фломастером, сигаретой...»

– Я думаю про фломастер каждый раз, когда поджигаю сигарету. Это именно то чувство, с которым я обычно курю. Мне не нравится делать это на ходу – всегда нужно остановиться и прожить момент, подчеркнув его. Ну, ты понимаешь.

– Да, – кивнул Дима, поднося к губам сигарету.

– И еще мне нравится фраза про то, что хостел – место пересечения разных судеб и культур, «а я совсем, совсем сторонний наблюдатель». Мне очень знакомо это чувство.

– Какое?

– Что я ни в чем не участвую, ни к чему не привлекалась, я регистрирую происходящее, пока остальные живут, как умеют.

– Хм, – улыбнулся Дима, затягиваясь.

Учеба на наших вечерних курсах была рассчитана на два года. Предметы в основном перекликались с курсом, который я прошла на журфаке, живя еще в Петербурге, и Ваня не понимал, зачем мне нужно было туда поступать.

Так просто нужно было. Лит был единственным местом, где я никуда не опаздывала и могла оставаться студенткой – со всеми поблажками. Преподаватель античной литературы говорила: «Я сама достаточно интересный человек, чтобы простое общение со мной было обогащающим для вас». Большинство моих однокурсников были старше меня, самому взрослому было 72 года. У него умерла жена, и он нашел в Лите свою новую молодость – или повод продолжать жить, не знаю, что тут важнее. Со многими из них я разговаривала на равных и писала на равных. Понимала, что научиться у них смогу только тому, как не надо. Но и это было полезно.

Мы с Димой оба прогуливали напропалую. Он сломал ногу, катаясь на лыжах, и мучился с больницами, врачами, гипсом, костылями. Я до вечера задерживалась в редакционном аду, делая журнал для сотрудников ювелирного дома, с ворохом бумаг, горой согласований, распечатанных текстов и горящих сроков.

Так что чаще всего мы встречались с Димой на Литовских попойках, во время которых происходило все самое интересное, что мог дать Лит. На них невозможно было опоздать, даже безбожно задержавшись в редакции: пьянки всегда затягивались. Стариканы травили байки времен своей молодости, а когда рассказывают пьяные писатели, слушать чаще всего интересно. Литовские мужчины становились тогда изысканны и галантны, женщины томны и смешливы. Дима присутствовал чаще всего как-то незримо и как «совсем, совсем сторонний наблюдатель», поговорить с ним можно было только в сквере за сигаретой. А потом мы вместе ехали домой и нервно шутили.

Большинство людей, знающих, что такое Литературный институт имени Горького, утверждают, что заканчивать нужно не институт, а Литовскую общагу. Это утверждение сейчас кажется мне сильно романтизированным. Вероятно, людям представляется, что Литовская общага – это что-то вроде «Сумасшедшего корабля» в описании Ольги Форш. Будто по утрам через картонную стену можно услышать, как кто-то идет чистить зубы, перекинув вафельное полотенце через плечо, и где-то в районе общей кухни восклицает: «Доброе утро, друзья, поговорите же со мной о Логосе!»

Так вот, ничего подобного в Литовской общаге в наше время уже не было и быть не могло. То есть, как. Ржавые двухэтажные кровати, вафельные полотенца, тараканы, пыльные подоконники общажной кухни, вонючий туалет там есть. И картонные стены, само собой, которые разделяют убежища поэтов, публицистов, прозаиков, сказочников с темными кругами под глазами. Эти вот самые стены на каждом этаже по несколько раз помечены надписями в духе «ты никому не нужен», «продай музу», «ты не получился», «а что толку?», и «твоя профессия – поэт?!». Вполне депрессивное место, где люди, впрочем, иногда говорят о Логосе – более того, могут даже подраться, если не сойдутся в формулировках определения. Но толку от этих умничаний примерно – никакого.

Я увидела все это, когда приехала в Москву с мамой – заселяться в общагу. Ваня нас сопровождал. Пока мы ждали человека, который должен был меня заселить, мы сидели на скамейке у входа в здание и наблюдали за местными обитателями. Безумные девушки в оранжевых колготках, начинающие алкоголики-поэты, пьяный в 12 часов дня преподаватель, который имел здесь комнату. Лицо моей мамы становилось все более вытянутым, пока Ваня не произнес, наконец: «Ты здесь жить не будешь».

Когда пришел хранитель этого дома писателей и поэтов, он показал нам общую душевую, откуда в панике разбежались тараканы при попытке включить воду. Затем мы прошли в отведенную мне комнату, которую мне нужно было делить с еще тремя студентками, – и Ваня сам извинился перед комендантом, сообщив, что на этом достаточно, от комнаты я отказываюсь.

Про общагу в Лите постоянно и много говорили. Большинство Литовских второкурсников уже понимали, что диплом литературного работника – это забавно. Особенно, когда ты по специальности поэт. Но штука в том, что учиться в Лите дешево и интересно, а преподаватели в большинстве своем светила. Проблема не в Лите, а в тех, кто всерьез решил там не получать образование, а именно учиться писать, – поначалу не понимая, что это невозможно.

***

Однажды я брала интервью у главного художника нашего ювелирного дома, Роберта – ему было хорошо за семьдесят, и он был армянин.

Он сказал, что его мать умерла, когда ему и года еще не исполнилось, и он ее совсем не помнит. Она была художницей, но ни одного рисунка не сохранилось: во время войны дедушка с бабушкой все ее эскизы сожгли, потому что нечем было топить печь, а маленькому ребенку необходимо было тепло. Когда Роберт вырос, он стал художником, и талант матери, по сути сама она, всегда с ним, в нем самом и в его жизни.

– В этом мире не бывает одиночества, – сказал Роберт, глядя в чашку с кофе. – Нас с детства населяет столько людей и голосов, что одиночество – скорее навык, который ты должен в себе развить. Чтобы стать собой, а не ими.

Мне казалось, я понимаю, о чем он. Мне нравится смотреть в зеркало и видеть в нем жесты моей мамы, улыбку папы. Они далеко от меня, но всегда со мной. И они по-прежнему говорят мне, что такое хорошо, а что такое плохо, даже если не присутствуют со мной в месте, где я поджигаю ту же сигарету, например. Иногда это раздражает.

За несколько месяцев до этого интервью я обедала в кафетерии с Юлькой и обсуждала штатных ювелиров, готовясь к выставке. Юлька сказала, что Роберт вовсе не художник, а простой ремесленник, который делает украшения такими, чтобы их покупали, вот и все. За кофе она рассказывала, как общалась однажды с певцом Николаем Носковым.

– Мне нравится Москва тем, что в ней живут знаменитости, – сказала Юля. – Люди становятся знаменитыми неслучайно, и чем больше я с ними общаюсь, тем тверже убеждаюсь в этом.

После разговора с Робертом я подумала, что в Москве гораздо больше интересных людей, чем в списке у журналистов. В самом деле, не важно, знаменит или нет ювелир, говорящий: «Первое в жизни кольцо я сделал из мельхиора. Размер был мизерный, оно подошло бы только для тонких женских пальцев. Я тогда в шутку сказал, что в жены возьму только девушку, которой это кольцо будет в пору. Смешно, но когда я встретил Розы, я подарил ей это кольцо – и оно подошло. Что делать, пришлось жениться. Розы носила его до самой смерти, надевала даже с бриллиантовыми украшениями и дорожила им больше, чем обручальным кольцом».

***

В Лите помимо курсов лекций – вполне традиционных для вузов с филологическим уклоном – у нас были так называемые семинары. Там мы по очереди представляли свои работы на обсуждение и по несколько часов кряду всем курсом мусолили чей-то опус, пока преподаватель не объявлял катарсис и не высказывал свое веское мнение – которое, впрочем, зачастую оказывалось довольно спорным.

На наших высших литературных курсах я была слушателем семинара прозы. Были еще поэты, сказочники, публицисты, переводчики и корректоры. Публика была специфическая: мечтатели, к которым категория возраста не применима совсем. Преподаватели же – сплошь олдскульные. В смысле, советской или постсоветской закалки. С неизменным маятником в башке и монохромным взглядом на жизнь: у них всегда либо черное, либо белое. И баста.

Я всерьез ругалась с нашим «мастером» – так здесь называют того, кто ведет семинары. Он то и дело выдавал что-то вроде: «Ну, зачем нужно описывать такие вещи, как ваша эта повседневность? Это откровенная чушь, чепуха. Что это за герои? Работают в „Макдональдсе“ или в офисе, спят друг с другом случайно, ни к чему не стремятся, ничего не хотят. В них нет Бога, нет любви, нет поиска. В офисе это просто невозможно! Это какая-то чернуха без права выхода. Зачем нам такая литература?». Я свирепствовала про то, что публицисты с поэтами у нас в другой аудитории, а герои такие прозаические имеют право на жизнь, куда они и есть – герои нашего времени, а тиражи Людмилы Петрушевской исчисляются сотнями тысяч, и читатель за них голосует рублем, узнавая себя в этих лицах. Что делать, если нас окружают такие герои? Писать про Юру Гагарина? Так вот, Гагарин умер, и давно.

И дело было отнюдь не в том, что Петрушевская мне нравилась. Читать ее было довольно неудобно. Просто я не считала, что в жизни или творчестве кто-то имеет право ставить табу на определенные темы или характеры.

Впрочем, однокурсники были еще жестче. Но у них профдеформация такая – среди них (то есть, нас) модно казаться циничнее, чем ты есть на самом деле, и это скоро входит в привычку. С одной стороны, эти бывшие военные, химики, летчики, геологи, инженеры, учителя

физкультуры и информатики поступили в Лит и оперились как новоиспеченные филологи, которые с трудом давят из себя доброе слово в адрес другого филолога. С другой стороны, они были совершенно не готовы к тому, что в ответ им прилетит ничуть не меньше. Цеплялись даже к неправильно расставленным запятым, что доводило меня до желания плевать ядом (в чем я себе редко отказывала, прося господ корректоров присоединиться к своим коллегам в другой аудитории, пока мы тут обсуждаем такие взрослые вопросы, как архитектоника или семиотика текста). И все же, зная, как больно получать тумачи за свои тексты, о которых ты и без того с уверенностью не можешь сказать, зачем и для кого ты их написал, – я могла, не стесняясь в выражениях, напихать судьям, но не обсуждаемым. Людей, которые были со мной в этом солидарны, у нас на курсе было мало: кажется, это были только Люба с Димой. Большинство же романтично полагали, что лучше сказать всю правду и как она есть, чтобы товарищ написавший учел на будущее. Кто бы им сообщил, что они не умнее всех, и что их «правда» не всегда является единственно верной.

***

Толстую кожу по части чужой критики я получила в корреспондентском детстве. В Питере еще подрабатывала внештатным корреспондентом на радио, в городских газетах и журналах. Всякая редакция – это чаще всего серпентарий, где обязательно найдется кто-то, способный обидеть художника. Один мой знакомый редактор, оправдывая свою резкость после очередной жесткой рецензии на чей-то текст (он мог просто перечеркнуть его крест на крест и вернуть молча), любил сказать что-то вроде: «Это я еще не ругался! Не были вы в редакции „Коммерсанта“ – вот там куют пидарасов из чистой стали. А я у вас – котенок. Не приносите мне больше такого говна». После него Литовские графоманы мне были не страшны, и это было очень серьезное преимущество.

Впрочем, это было преимуществом не только там. В ювелирном доме, где я была главным редактором журнала для сотрудников, у меня был начальник – глава отдела рекламы, который тоже мог порядком подпортить настроение. Однажды после тяжелого дня я шла от работы к метро, когда меня догнал Саша. По сути, он был вторым ключевым лицом в нашей редакции. Я писала и редактировала тексты, раздавала задания внештатным авторам, – а он подбирал фотографии и верстал журнал.

Он отдышался после бега и сказал.

– Слушай, решил все же сказать тебе, не откладывая на потом. Фух, как же ты быстро ходишь... Знаешь, я бы так не смог. Как ты. Начальнику не понравилось, и ведь глупости он говорит, а ты выбрасываешь в ведро исписанные листы и спокойно пишешь новый текст. Я так не могу. Он когда не принимает мой дизайн, это каждый раз ножом по сердцу, я начинаю что-то доказывать.

– Разве от этого бывает толк?

– Чаще нет, – усмехнулся Саша.

– О том и речь. Зачем пытаться что-то доказывать, если инициатива здесь всегда нака-зывается.

– Потому что хочется увидеть хороший результат, а не просто обезопаситься.

– Знаешь, в первое время мне тоже было не все равно. А потом он сказал мне простое: «Не спорь со старшими», и стало ясно, что в его глазах я не специалист, а девочка. Какая тут личная ответственность? С тех пор я просто делаю то, за что мне платят.

Саша молчал, и мне стало стыдно.

– Прости. Я не горжусь тем, что имею, и не считаю все это нормальным. Просто он взял на работу «девочку», потому что «специалист» стоит гораздо дороже. А я согласилась быть «девочкой», пока мне нужно свободное время и силы на учебу в Лите. И он не глупый, тоже прекрасно это понимает.

А потом я рассказала Саше, что не плакать каждый раз, упираясь лбом в тщетность моих усилий и ненужность моих идей, мне помогает только его добрый взгляд или доброе слово.

– Ты и сам не знаешь, насколько важна твоя способность просто сказать: «Не расстраивайся, оно того не стоит».

– Да брось ты.

– Нет, Саш... Мне давно стоило это сказать, – я сделала паузу и продолжила, глядя ему в глаза, – Спасибо.

После того диалога мы с Сашей стали больше, чем коллеги. Он был «свой». Внешне между нами ничего не изменилось, зато внутренне стало намного теплей.

Саша был коренной москвич. Старше меня на двадцать лет, он умудрился стать для меня не ИО папы в Москве, а именно другом. Однажды рассказал мне, как встретил свою жену. Она была его одноклассницей – отличница, красавица и дочь завуча их школы. Принцесса. А он – хулиган, троечник и балагур. И друзья, даже родители говорили ему, смеясь: «Саш, ну ты чего? Да ну, брось». С восьмого класса она была мечтой, совершенно недостижимой. После школы он слал ей письма из армии; она отвечала, но кроме вежливости там не было больше ровным счетом ничего. Он отслужил, вернулся. Ждал ее у подъезда после учебы. Они жили в одном доме, поэтому встречались будто бы случайно почти каждый вечер. А потом она предложила вместе сходить в кино.

– Тогда все поменялось, – с теплой улыбкой вздохнул Саша, будто это все произошло вчера, а не двадцать лет назад. – Удивительно, как быстро и необратимо все меняет женщина.

Я любила слушать его, когда он говорил о своей жене или сыновьях. В каждом слове было столько любви, что я начинала верить в мечту о почти безоблачном семейном счастье.

В какой-то момент я подумала, что у Саши слишком добрые глаза для человека, который просто сидит напротив. Я, кажется, люблю его как образ: обожаю мужа его жены. (Да). Поняла это однажды, когда играла с ним в фуфусечки на работе (игра, которую они придумали с лучшим другом двадцать лет назад), и хохотала в голос. Не было этого электричества, когда током бьет на расстоянии метра, и коленки подкашиваются. Его жена не сходит у него с языка, он так часто говорит о ней, что я завидую. И даже не в них двоих дело – просто мне обидно. Что я не смогла, что я не так любима, что я до сих пор не жена – и не понятно, когда буду.

***

В феврале Ваня сказал, что нам надо пожениться. Я решила, что он прав. Мы давно вместе, родственники уже столько раз спросили меня: «Ну, когда же», что я в самом деле с нетерпением ждала этого его решения. Я ездила на все праздники его родных и друзей в качестве Ваниной официальной девушки, он тоже был знаком со всей моей родней. Мы мало времени проводили вдвоем, потому что оба были очень заняты, но если намечалась встреча друзей, то мы обязательно ехали туда вместе. И на людях мы, наверное, выглядели идеальной парой, хотя наедине целовались, как брат с сестрой. Он говорил, что я красивая, в этом не было ничего личного.

В понедельник на работе я пила кофе с Юлькой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.